

к языкотворчеству, и, во-вторых, что риторика несводима к исследованию специфических и экзотических форм языка.

Утверждение, что риторика – это прежде всего исследования парадигм языка, может стать исходной точкой объяснения всех злоключений риторики. И здесь Фонтанье чрезвычайно близок Ницше, рассматривающий метафоричность как неотъемлемое свойство человеческого восприятия и воспроизведения реальности: “Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно чуждую область” Познание и интеллект, истина и наука являются на свет вследствие стирания ритмичности языка. Ставкой в игре логики и риторики является власть над дискурсом. Используя стертые метафоры, логика создает тюрьму понятий, но “основное побуждение человека – побуждение к образованию метафор” заставляет его бежать из этой тюрьмы к мифу и искусству.

В наше время риторика переживает возрождение. Интерпретируя риторические идеи Ницше, Поль де Ман пишет о двойственности риторики, которую можно рассматривать как искусство убеждать и как науку о приемах убеждения. Риторика поэтому способна вызывать как эффект убеждения, так и эффект разубеждения одними и теми же приемами и практически одновременно. Эту двойственность риторики по-разному используют философия и литература, представляющие противоположными командами в игре на поле риторики. Осознание этих старых споров позволяет говорить о современной ситуации как о ситуации кризиса, когда решение еще не принято, хотя его принятие неизбежно. То, что это решение позволит иначе взглянуть на рациональность философии и риторические основания философского текста само собой разумеется.

Д.В.Пивоваров
г. Екатеринбург

СХОЛАСТИКА КАК КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ

Схоластика есть христианизированная философия неоплатонизма и, позднее, аристотелизма, которая культивировалась в монастырских школах и университетах Западной Европы в 9 – 14 вв. Эта философская культура наследовала и преумножила достижения патристики; “отцы церкви” (Тертуллиан, Августин и др.) развили во 2 – 8 вв. систематическую догматику Св.Писания и, примирив христианство с неоплатонизмом, заложили основы философии христианства. Как и в патристике, в схоластике на первом плане – теологические идея Откровения и идея Бога как безусловного бытия.

Средневековые “учители философии” методически упорядочивали и разъясняли студентам колледжей и обучаемой христианству публике догматическую конструкцию “отцов церкви” Углубление катехизации требовало от них, во-первых, постоянно обновлять и расширять категориальный фонд онтологии и теории познания, во-вторых, оттачивать дедуктивную технику развертывания аксиоматики “истин Откровения”, интуитивно постигаемых, в дискурсивные философские истины, доступные разуму простого человека. Схоластики усовершенствовали диалектический метод и существенно обогатили язык философии, ввели в

профессиональный оборот множество новых базовых понятий ("реальность", "идеал" и пр.), категориальных дистинкций (типа различения "сущности" и "существования") и постановок проблем (проблема универсалий, проблема веры и знания и т.д.). Схоластика одухотворила и цивилизовала европейский интеллект, бывший когда-то варварским, и во многом предопределила рациональность современного философского мышления.

В литературе нет однозначных описаний и идеологических оценок схоластики. Когда историки поддаются под влиянием какой-либо "практической философии" (неокантианства, неопозитивизма, марксизма, прагматизма и т.п.), тогда они склонны уничтожительно расценивать схоластику как синоним науки, оторванной от жизни, практически бесплодной, далекой от наблюдения и опыта, основывающейся на некритическом следовании авторитетами. Что ж, если под жизнью понимать только светскую жизнь, а под наукой – только экспериментальное питание естества, то схоластика во многом именно такова: она отдает предпочтение теоретическому разуму и не ищет критерия истины в практическом разуме, предметом ее рассудочной рефлексии является запечатленная в догме авторитетная интуиция, но не внешний чувственный опыт рядовых людей, а потому мерилом правильности философского вывода (для схоласта) выступает соответствие этого вывода древней традиции, а не кажущееся новаторством отступление от нее.

Историки неоплатонистской, неотомистской или гегельянской ориентации оценивают Средние века в целом и схоластику в частности как чрезвычайно плодотворный и определяющий этап формирования всеевропейской христианской культуры, когда религия, философия и наука развивались на основе единого целого – латинского – языка, а христианский мир сохранял единство под эгидой папской власти. В тех условиях философия была не служанкой светской власти, конъюнктурной политики или материалистической науки, как в наши дни, а "служанкой теологии" (Петр Дамиани), то есть ее предметом было божественное естество и притяжение мира и человека в Богу, тяга к беспредельному и есть "любовь к мудрости" (Пифагор) как суть духовной философии. Беспредельный дух познается не практическим разумом, а умозрением, теоретически. Средневековье в Европе – это "власть духа", а не власть денег, и ему в большей степени отвечал не пресловутый принцип "связи с практической жизнью", а именно схоластическая философия, по-своему абстрактно-теоретически – воспроизводившая ансамбль внутренних противоречий христианского мироотношения (между верой и разумом, интуитивным и дискурсивным, творящей и сотворенной природой, добром и злом, воплощенным и невоплощенным, единичным и общим, преходящим и вечным и т.д.). Столкновения реализма и номинализма, рационализма и мистицизма, теизма и пантеизма в средневековых школах и университетах суть внутрихристианский диалог, но отнюдь не спор схоластов с антисхоластами, И. Росцеллин или Бернар Клервосский схоласты не в меньшей степени, нежели Ансельм или Фома Аквиант.

Если верно, что философия есть концентрированное теоретическое

выражение той или иной общей тенденции в культуре, то схоластика как совокупность альтернативных философских систем IX–XIV вв. в Европе может быть более точно оценена, если ее брать не саму по себе, а сквозь призму культуроведческого подхода. Тогда, в свете этого подхода, следует признать, что философия всегда есть чья-либо "служанка" – например, церкви или светского государства, религии или экономической политики, духа или плоти, совести и практики, "внутреннего" человека или человека "внешнего", следовательно, она по преимуществу является духовной или светской, идеализмом или материализмом.

Схоластика процветала в кроне средневековой культуры единого христианского мира, тогда как корни этой культуры уходили в теистической культивируемую почву хозяйствования – в сакрализованные образцы отношения человека к Троице, ближнему и дальнему, единоверцу и иноверцу, кесарю и государству, труду и отдыху, деньгам и собственности. Базовые идеалы религии и экономики, составляющие две стороны основания культуры, редко когда находятся в гармонии между собой. Если в базе культуры начинает доминировать экономическое начало, то культура обретает преимущественно светскую ориентацию, в философии растет интерес к потустороннему и преходящему, к практическому разуму, атеистическому гуманизму, идее саморазвития материи (пантеизм) и человека (антропологизм), идее внешнего чувственного опыта как источника истинного познания, возникает скептическое отношение к категориальным системам и учениям Платона или Аристотеля и вместо платонизма исповедуется какая-либо разновидность эмпиризма и утилитаризма (феноменология, сенсуалистический материализм, прагматизм и т.п.).

Напротив, когда в базе культуры верх берет религиозное начало, тогда отрасли культуры получают мощную духовную подпитку, в "массовой" философии первенствует духовная проблематика, во главу угла ставят "умозрение" и выявляющую его смыслы "дедукцию", тогда философия подчиняется цели рационализировать религиозную интуицию во имя гармонизации религиозного духа и эталонов хозяйственной жизни. Именно такой "массовой" философией стала в свое время схоластика, переработавшая в христианском плане учение Платона в подлинном мире идей, об интуиции избранных (пророков) как прямом пути в совершенный мир идей и о познании как припоминании нашей душой идей, которые душа видела на своей небесной родине. Для схоластики характерно объединение того, что дается нам через прозрение веры, с формальнологической проблематикой. Гипертрофированный подчас до смешного интерес некоторых схоластов к дедуктивному прояснению святых и таинственных истины Откровения издержки, но вовсе не существо самого схоластического метода.

Сокральное ядро средневековой культуры было надежно защищено от дессидентской критики, что обеспечивало также и стабильный рост схоластики, ориентированной на "человека богосозерцающего". Смысл библейских текстов транслировался священниками мирянами через фильтр Предания, на мало понятной народу латыни – это предохраняло общественное сознание от соблазна следовать требованиям таких ветхозаветных принципов, которые внушили людям практицизм,

возможность поторговаться с Богом. Крестовые походы, как отмечают историки, имели множество последствий, в том числе и следующие: а). эти походы усилили власть пап, б). способствовали расширению литературного обмена с Константинополем, переводов греческих текстов на латинский язык, в). после еврейских погромов торговля перешла в руки христиан, было блокировано влияние иудаизма на западную философию, а в решении извечной проблемы "быть или иметь?" верх одержала парадигма "бытия" Известную культурозащитную роль сыграли инквизиция и монашеские ордена.

Но вот в XIV – XVI вв. в Западной и Центральной Европе наступает Возрождение (язычества), частично возвращающее интерес мыслителей к языческой античной культуре, а затем приходит Реформация (XVI в.) с ее "духом капитализма" (М.Вебер), отказом от Предания, требованием деловым человеком "дешевой церкви" и возможности без посредников, самому, знакомиться с Библией на родном языке. Культуре протестантизма чужда схоластика как философия католической культуры, ей потребовалась философия нового типа, ориентированная на "человека экономического" В период Контрреформации в Испании в XVI – XVII вв. произошло частичное восстановление схоластики ("вторая схоластика"), но Просвещение сумело нанести ей сильнейший удар. И все же к XIX – XX вв. в Италии, Испании и Германии традиции схоластики возрождаются в неотомизме (неосхоластика). Таким образом, интерес к схоластике циклически возвращается, он сопряжен с волной религиозного фундаментализма в христианской культуре, ослабевает с отливом этой волны и сегодня, по-видимому, вновь начинает усиливаться.

Схоластика была творческим освоением бывшими варварами философского наследия Платона и Аристотеля, верой во всемогущество логических доказательств и в авторитет разума во всех вопросах. Вместе с тем схоластика по существу была герменевтикой, концентрировалась на философском обсуждении и понимании того или иного авторитетного текста и не стремилась получать информацию через обобщение данных научного наблюдения или эксперимента. Абельяр ввел норму сопоставления взаимоисключающих текстов. Нынешняя философская герменевтика во многом наследует достижения схоластики и в известном смысле знаменует ее возвращение.

Н. П. Фокин
г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМЕ МЕНТАЛЬНОСТИ

Глобальные угрозы современного мира, вызванные кризисом классической рациональности, лежащей в основе новоевропейской культуры, а также агрессивной политической тиранических восточных режимов определяют необходимость прояснить вопрос о парадигме ментальности западного и восточного вариантов цивилизации, которые интериоризируются как дух, жизнь и деятельность творящих их народов.